

Этот музей — не просто собрание картин

Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: встань, и сделай нам бога, который бы шел перед нами; ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли египетской, не знаем, что сделалось (Исх. 32,1).

Н. Рерих с сыновьями Юрием и Святославом. Кулу. 1933.

Надпись “Музей имени Рериха”, выполненная темной масляной краской на бетонном заборе между двумя зданиями Пушкинского музея, влекла многих москвичей и гостей столицы своей простотой и таинственностью. Перед этой надписью остановились и мы. Сам музей находится немного поодаль и располагается в довольно большом старинном особняке, принадлежавшем ранее фамилии Лопухиных (Евдокия Лопухина была женой Петра I).

Размах восстановительных работ заставил нас задуматься об источниках материальных средств. Вопрос был разрешен весьма прозаически: спонсором музея является один из московских коммерческих банков. Довольно большая (для центра Москвы) территория вмещает в себя сам особняк и некоторые здания, в которых располагается Правление Международного центра Рерихов (неправительственная организация при ООН) и Оптический театр, о котором будет сказано ниже.

Маленькие неудобства гардероба, связанные с ремонтными работами, остались позади, и нас принял в себя мир весьма необычный и довольно напряженный. С самого начала мы решили не вступать в спор с сотрудниками и посетителями музея. Однако было бы недостаточно ограничиться простым осмотром экспозиции и уйти лишь с собственными чувствами, мыслями и переживаниями, поэтому мы решили тщательно осмотреть выставочные залы и расспросить присутствующих о причинах их посещения этого заведения, назвать которое музеем можно лишь с пространными комментариями. Мы сразу

поняли, что нам не удастся точно, обстоятельно и глубоко познакомиться с учением Рерихов, но прикоснуться к носителям их учения и (насколько это возможно) понять, чем они живут, — это было для нас важно.

Из пяти залов музея в четырех представлены работы Николая Рериха — в основном, из серии “Гималаи” — и его сына Святослава Николаевича — портреты и некоторые работы из цикла “Отблески мира иного”. Есть также весьма интересные витрины с личными вещами Рерихов, среди которых принадлежавшие им амулеты, книги, индийские реликвии, грампластинки, а также кристаллы с алтаря Елены Рерих. Еще в одном зале собраны документы и фотографии, рассказывающие об их жизни и деятельности.

С первых же слов разговора с сотрудниками музея стало ясно, что люди, приходящие сюда и даже работающие здесь, обладают далеко не полным объемом информации об этом учении (само собой разумеется, что лидеры этого учения не будут дежурить в выставочных залах). При этом чувствуется определенная психология посвящения. С тобой будут серьезно разговаривать лишь в том случае, если ты владеешь их терминологией и знаком с их литературой. Приходят на память размышления диакона Андрея Кураева: “Е. Рерих сама признает, что новым членам общины не надо раскрывать всего, не обо всем надо писать в книгах... Есть набор рекламных цитат и деклараций, а есть нечто более “эзотерическое”, к принятию чего и надо привести человека, когда он, наконец, перестанет цепляться за христианские предрассудки”.

Вообще, все наши попытки выяснить что-либо определенно и конкретно разбивались об один и тот же ответ: “Наше мышление сейчас, в период торжества науки, рассудочное мышление требует объяснения через 2×2, а понятие может быть шире”.

Хочется привести диалог, который у нас получился с некоторыми посетителями музея, считающими себя последователями учения “Живой этики” и передаваемый почти буквально:

— Какова цель жизни человека?

— Нет какой-то цели, отдельной от жизни.

— Должен ли я что-то менять в себе после того, как узнаю, что во мне — целый мир? Что нужно делать?

— В вас все ответы заключаются. По сути дела, мир сам по себе не существует, он в нас существует. Один человек пришел — увидел здесь одно, другой человек придет — увидит другое, хотя здесь висят те же картины.

Сначала мир был ничто, потом он поляризовался.

— Появилось доброе и злое?

— Не только доброе и злое, а как угодно. Чтобы было пространство, нужно право-лево, верх-низ, то есть противоположение. Оно условно. Как проведешь координатную сетку — так и будет.

— Что мне дает это понимание?

— Каждому что-то свое.

— Есть ли общие принципы?

— Есть общие, есть бесконечно различные. Общие — совесть, страдание, жестокость. Но они могут как-то относительно пониматься в разных условиях.

— Мы видели кристаллы с алтаря Елены Ивановны. Что это за алтарь, что он из себя представляет?

— Раньше у бабушек был уголок с фотографиями родных. Это дорогое местечко, связанное с чем-то. У людей, которые много читают, есть книги — это тоже их алтарь. Они за ними смотрят, лелеют их. У каждого есть что-то свое, дорогое, тот наш путь туда, наверх — какое-то развитие, то самое, ради чего мы живем.

— А для чего мы живем?

— Существует некая дуальность. С одной стороны, вроде бы и есть смысл вообще, но с другой стороны, нами он познается относительно. Потому что если бы нам дали ответ, нам было бы и неинтересно жить.

— К чему же человек должен стремиться в своей жизни?

— К самосовершенствованию.

— Чтобы постигнуть мир, что надо делать? Существуют ли какие-то молитвы?

— Одна для всех — “Отче наш”. Задумайтесь, что в вас есть хорошего, что плохого.

— А вдруг я ошибусь?

— Вы себе самый лучший учитель. Наверняка что-либо читали перед тем, как прийти сюда. Попробуйте еще что-нибудь почитать.

— Три шара в красном круге. Что они означают?

— Прошлое, настоящее и будущее. Можно также говорить, что это любовь, знание, культура. Это очень синтетическое учение. Вообще, наш разговор о таких высоких вещах, как, например, реинкарнация — это профанация. Так, походя это не решается. Я чувствую что-то так или иначе, но я этого пока не знаю, хотя я видел некоторые эпизоды из своих прошлых жизней. Природа едина и един разум в природе. И этот разум не есть что-то отдельное, как в церквах — там где-то Бог, Он где-то на

небесах, некое Существо непонятное. А откуда Оно взялось такое, почему именно такой формы человеческой — с бородой?..

— А было ли у Рерихов что-то такое абсолютное, подобное христианскому Богу?

— У многих народов сохранилось проверенное временем понятие о том, что существует Единый Разум, и мы — часть этого Разума, он не есть что-то отдельное — он есть все.

Мадонна Орифламма

Особый интерес вызывают картины Н.К. Рериха. Выполненные в необычном свете (небо в красное, то синее-зеленое с невообразимыми оттенками), они явно несут определенную смысловую нагрузку, если не сказать больше. Обратившись за разъяснениями, мы услышали следующее:

— Искусство как бы сохранило независимость как явление не потому, что просто воздействует на чувства. Заключенная в нем информация имеет объем. Рассудочная информация в лучшем случае двумерная, то есть ограниченная, а информация в искусстве — многомерная. Мы стремимся любое знание умертвить, привести в оторванность от жизни: вот, это что-то символизирует и значит. Что вот вы символизируете? Все, что есть, — это разум, весь мир — это мысль.

Действительно, мы заметили, что многие приходящие сюда люди бывали здесь уже не один раз и явно не для того, чтобы любоваться красотами Гималаев или созерцать пуленепробиваемый жилет Николая Константиновича.

Как призналась нам одна из посетительниц, она не могла дождаться нашего ухода, чтобы спокойно смотреть на картины. “Если долго смотреть, — сказала она, — они начинают светиться. Когда была выставка работ Н.К. Рериха в Свердловске, из космоса было видно свечение”.

Подавляющее большинство людей первый раз приходит в музей, разумеется, не за тем, чтобы сходу приобщиться к учению Рерихов. Если бы Николай Константинович не был художником, он, возможно, остался бы неизвестным. Привлекает, в первую очередь, его живопись, нужно сказать, весьма необычная и интересная. Но несет она в себе нечто такое, что реально воздействует на человека и воздействует неоднозначно.

Трудно назвать это искусством в строгом смысле данного слова. Первое место здесь занимает мистическое

воздействие на человека, направляющее его мысли и чувства в определенную сторону.

Отсюда стало ясно, что этот музей — не просто собрание картин. Это еще и место связи с “миром иным”. Каким? Этого не нужно объяснять православному христианину.

Когда приходишь в православный храм, всегда поражает красота обстановки и нет ощущения присутствия нездоровой мистической таинственности. Сразу понимаешь, что люди пришли к Живому Богу, с живыми, насущными проблемами.

Кто же приходит в музей Рерихов? Мы увидели там разные типы людей. Например, один из посетителей го-

ворил сотруднице музея, что ищет уединения, близости к природе, что когда он ложится спать, его ломает и т.п., на что оптимистически настроенная дама ответила, что она молится на ночь или, когда бывает тяжело на душе, представляет в своем уме картины Николая Константиновича, и ей становится хорошо. Крайне взволнованный и экзальтированный

посетитель, уходя, сказал: “Прощайте, мы с вами больше не увидимся в этой жизни”. На это последовал оптимистический ответ: “Да это и не важно”.

“Свободы духа я не увидел у людей, увлеченных оккультизмом. Они не владели оккультными силами, оккультные силы владели ими”, — точно подметил Н.А. Бердяев. Впрочем, сотрудница Международного центра Рерихов пыталась доказать нам, что семья Рерихов никогда не занималась оккультизмом. Для них “Живая этика” — это синтез всех религий, это наука и философия. Однако сферу оккультного, на наш взгляд, очертить для них было трудно: и явления телепатии, ясновидения, левитации и т.п., по их мнению, не входят в разряд оккультных. Довольно ясно выражено отрицательное отношение к так называемым экстрасенсам. Напомним, однако, что Е.П. Блаватская, теософию которой Рерихи несомненно продолжают, очень любила шокировать своих почитателей различными “чудесами” (письмами, падающими с неба, звуками колокольчиков в пространстве и тому подобными штуками), а полковник Олкотт, ее верный спутник, просто лечил людей — разумеется, определенными способами. Трактаты из цикла “Агни-йоги” тоже записывались под “нашептывания из космоса”.

Достоин удивления также “осведомленность” последователей Рериха в христианстве. Так, мы узнали, что святой Иосиф Обручник не был иудеем, что Иисус Христос с 12 до 30 лет учился у Великих Учителей, что пре-

подобный Сергей Радонежский является воплощением Великого Учителя Мории, который приходил во все переломные моменты человеческой истории, что евреи вышли из Индии и смешались “со всеми разными арабами” (стиль языка сохранен).

Вообще, научная добросовестность последователей “Живой этики” подкупает “основательностью и глубиной”. Правда, они не упускают случая сослаться на авторитет европейских университетов (которые присуждали научные степени, например, как востоковеду, Юрию Николаевичу Рериху, сыну Николая Константиновича), или на авторитет физиков из Дубны, хотя первенствующее значение в этой иерархии, конечно, занимают Вели-

кие Учителя. Интересно вспомнить о том, что махатмы, владеющие всеми дарами и, в частности, сверхсознанием, с большим восторгом встретили приход большевизма и его вождя “махатмы Владимира Ильича Ульянова (Ленина)”. В сознании части рядовых последователей учения Агни-йоги живет уверенность в том, что идеи Октябрьской революции

были в общем-то хороши, и только их воплощение было неудачным. Ленинский лозунг “Учиться, учиться и учиться...” звучит в их устах как призыв к расширению сознания и приобщению к Мировому Разуму. “Посылая короб с гималайской землей на “могилу брата нашего, Махатмы Ленина”, — читаем мы у отца Андрея Кураева, — властители “затерянного царства” радуются упразднению Церкви, “ставшей рассадником лжи и суеверий”, уничтожению мещанства, “ставшего проводником предрассудков”, разрушению “тюрьмы воспитания”, отмене частной собственности — словом, их вдохновляют все те “художества” советского режима, которые мы не в силах расхлебать и по сию пору”.

Несмотря на то, что нас пытались убедить, будто бы Международный центр Рерихов не ведет широкой проповеди своих взглядов, а занимается лишь популяризацией идеи “Живой этики”, однако, наверняка, есть очень серьезные люди, занимающиеся этой проблемой, — и не только в нашей стране. Например, в 20-40-х годах XX века рериховские организации были зарегистрированы в США, Канаде, Мексике, Кубе, Бразилии, Уругвае, Аргентине, Чили, Перу, Боливии, Франции, Германии, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Италии, Португалии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Индии, Китае, Манчжурии, Австралии, Новой Зеландии. И нет оснований считать, что этот список

Будда-Завоеватель

сократился к концу века. Кроме того, все общины мира признают духовное первенство московского Международного центра, что выражается в ежегодных конференциях и симпозиумах, на которые съезжаются представители из разных стран.

Центр устраивает тематические вечера, приглашает выступать музыкантов, певцов. Ежедневно в музее читаются лекции по “Живой этике” различными специалистами в этой области. Совсем недавно открылся так называемый Оптический театр — “исполнение авторских светозвуковых композиций в реальном масштабе времени”, — как о том сообщалось в театральной афише. Распросив, мы узнали, что это действо представляет собой поток медитативной музыки, световых образов, показ слайдов, несет в себе и другую информацию. Композиции представляют следующую тематику:

1. Святая Русь (распятие).
2. Реквием (утрата).
3. Прозрение (воскресение).
4. Зов (весть Рерихов).
5. Гималаи и т.п.

Все нами увиденное и услышанное наводит на очень серьезные и далеко не веселые размышления. Предоставление человеку полной свободы в “духовном делании” (“Вы себе самый лучший учитель”) чрезвычайно опасно и приводит либо к психическому стрессу со всеми вытекающими последствиями, либо, вероятнее всего, к состоянию глубочайшей прелести. Вы часто сможете увидеть рериховцев, исполненных радости. Но какова ее природа? Скорее всего, она происходит из отсутствия духовного трезвения, ибо мир, который создают себе эти люди и в котором они предполагают жить, не есть мир действительности или даже строгого рационализма — это мир призраков, фантомов, это театр, в котором люди, как актеры, играют чужие роли, входят в чуждый их природе образ и пытаются заставить себя жить по заданному сценарию. Но если бы это была только игра...

На наши вопросы о каком-либо культе или определенной религиозной практике ответов не было, но товары салона-магазина, расположенного в здании правления Международного центра: талисманы, амулеты, кадильные палочки, всевозможная оккультная литература заставляют задуматься о многом.

Кстати, литература этого салона-магазина поражает своим разнообразием и всеядностью: “Дети и учение Махатм”, “Тайная доктрина” Е.П. Блаватской, “Агни-йога” Е.И. Рерих, “Откровенные рассказы странника...”, сочинения святого Дионисия Ареопагита, С. Булгакова, Д. Мережковского, Г. Флоровского, Франциска Ассизского, Ф. Достоевского и даже “Домострой”. Музыкальная подборка включает в себя классическую индийскую и

европейскую музыку, мелодии для медитаций, записи хора под управлением архимандрита Матфея.

Несмотря на то, что подбор указанной литературы и предполагает первоначальную проповедь “Живой этики” в стерильно-культурном плане, однако чувствуется определенный уклон в сторону мистики, которую, по словам Е.П. Блаватской, ныне называют теософией.

Почему привлекают современных людей подобные учения, говорить не стоит, об этом было сказано уже достаточно. Когда погружаешься в быт рериховцев, кажется, что их влияние на современное общество не очень велико, так как они бывают не похожи на тот тип сектанта, “назойливого миссионера”, который сложился у нас. Кажется, что они совершенно не активны в своих

Тибет. Монастырь в горах. 1940.

действиях, но это далеко не так. Влияние учения “Живой этики” очень велико в среде нашей интеллигенции, часто совершенно лишенной всякого опыта богообщения. Местные общества Рериха часто помогают даже православным приходам организовать, например, выставку детского рисунка под названием “Дорога к храму”. Да и очень большой объем культурной программы часто держится на инициативе данных организаций. Это учение, подобно хамелеону, может приспособливаться к любой среде, но свою сущность оно всегда сохраняет.

Законный вопрос: что делать? Что делать всем нам, чтобы сдержать натиск Агни-йоги, теософии и прочих подобных учений? Не только сдержать, но и разоблачить их, показать их ложь и пагубность, показать их ничтожество и высоту христианства? Прежде всего, каждый православный христианин должен основополагающие вопросы веры решить сам для себя, осмыслить во что он верит, в чем разница между Христом и велиаром. Для пастыря же Церкви Христовой в наше время требуется высокая интеллектуальная подготовка. Знание, которое он приобретает, не должно замыкаться в стенах аудитории или школы, оно требует очищающего горнила жизни. Только во время встречи мы начинаем понимать, кто мы есть на самом деле, умеем ли мы что-нибудь или то, на что мы надеялись, есть всего лишь призрак. “Необходимо, чтобы личные убеждения пришли не в продолжительное, но в действительное столкновение с вопросами окружающей образованности, — писал в свое время И.В. Киреевский, — ибо только из действительных отношений к существенности загораются те мысли, которые освещают ум и согревают душу”.

Сергей Зрянин, Сергей Елисеев, I курс МДА